

З.Е. Середнякова. Пейзаж.
Село Нескучное Курской губернии.
1916

Екатерина Кузнецова*

Поэтосфера русской усадьбы: мотивы, образы, хронотоп

Термин «поэтосфера» представляется нам продуктивным обозначением для определения круга разнообразных приемов поэтики, сфокусированных вокруг того или иного явления реальности, отраженного в конкретной группе литературных текстов. Данный термин ввел в научный оборот В.Н. Топоров в статье «Аптекарьский огород как городское урочище (общий взгляд)» для описания конкретного географического объекта на карте Санкт-Петербурга с точки зрения его функционирования в качестве «литературного урочища».

По мнению исследователя, «литературное урочище» — это место, «где поэзия и действительность (“правда”) вступают в разнородные, иногда фантастические синтезы, когда различие “поэтического” и “реального” становится почти невозможным; место, которое само начинает в значительной степени определяться этими, до поры казавшимися невероятными связями, становящимися по мере их осознания, экспликации и передачи “вовне”, “другим”, все более и более реальными и формирующими ту “поэтосферу” (Курсив мой. — Е.К.), которая в конце концов вместе с “научной мыслью” сублимируется до уровня “планетарного” явления и соответствующей ему силы “природно-культурного”, подлинно космологического явления <...>» [10, 201].

Итак, поэтосфера — это обобщенный образ какого-либо места (локуса), слагаемый как из реальных примет, так и на основании его историко-литературного ореола, многочисленных проекций в текстах культуры. Следует отметить, что ряд современных исследователей используют слово «поэтосфера» в другом значении, подразумевая под ним совокупность поэтических образов и мотивов того или иного поэта и говоря соответственно о поэтосфере М.Ю. Лермонтова (О.В. Сахарова), Б.Б. Рыжего (Ю.В. Казарин, И.К. Мухина), А.С. Кушнера (Ю.В. Казарин) и даже о поэтосфере мировой поэзии (Ю.В. Казарин). Но мы будем использовать этот термин в более узком значении.

В статье рассматриваются история возникновения, смысловое содержание и особенности функционирования в литературоведческом и искусствоведческом поле термина «поэтосфера» применительно к описанию русской дворянской усадьбы середины XVIII–нач. XX века.

The article considers the history of the origin, semantic content and features of the functioning of the term «poetosphere» in the literary and art field in relation to the description of the Russian noble estate in the middle of the XVIII – early XX century.

Ключевые слова: поэтосфера, русская усадьба, локус, мотив, образ

Keywords: poetaster, Russian manor, locus, motif, image

* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

katkuzl@mail.ru

В.Д. Поленов. Бабушкин сад (1878).
Холст, масло 54,7×65. Государственная
Третьяковская галерея, Москва

Неологизм «поэтосфера» создан Топоровым по аналогии с неологизмом «ноосфера», предложенным в 1927 г. французским математиком Э.Леруа и философом П.Тейяром де Шарденом, подразумевавшими под этим словом облекающую земной шар идеальную «мыслящую» оболочку, формирование которой связано с разумной человеческой деятельностью. Они основывали свои размышления на лекциях В.И. Вернадского, прочитанных им в университете Сорбонны в 1922–1923 гг. [11, 441].

В дальнейшем сам Вернадский использовал этот термин, определяя через него весь культурный, мыслительный, технологический слой, надстроенный человеческим разумом над миром природы за время существования человечества [1]. Итак, ноосфера — это «сфера разума, область взаимодействия человеческого общества и природного мира» [11, 441]. В свою очередь, поэтосфера того или иного локуса является частью общей ноосферы Земли, созданной совокупными ментальными усилиями всех когда-либо живших людей.

Статья Топорова является, по сути, приложением идей Вернадского к описанию такого сложного культурного явления, как городское урочище, сочетающего характерный природный ландшафт со следами человеческого проживания и творческой деятельности (архитектурой, фольклором, литературными текстами и т.д.).

После Топорова (со ссылками на его авторство) данный термин стали применять такие исследователи, как Т.М. Жаплова, А.Г. Разумовская, В.Г. Щукин и др., для описания особенностей не только городских, но и усадебных локусов, насыщенных многовековым семантическим грузом (легендами, преданиями, символическим осмыслением и т.п.) и получивших многочисленные отражения в различных текстах культуры (литературе, живописи, театре и т.д.).

Щукин, обратившись к целостному образу города в художественной литературе, предпринял попытку классификации «элементов поэтосферы — совокупности сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания (Курсив мой. — Е.К.)» [12, 8; 13; 14; 15].

Рассматривая вертикальный разрез города и его горизонтальную панораму, исследователь выделил основные случаи метафоризации города: «город-мать, город-блудница, город-лабиринт, город-лес и, наконец, отождествление образа города с моделью всего мира» [12, 8]. Итак, поэтосфера, по Щукину, — это совокупность тропов и художественных приемов, претворяющих эмпирическую реальность в художественно и концептуально осмысленную. Одновременно Щукин пришел к осознанию основного «городского мифа»: город как модель всего мироздания, космоса. Получается, что поэтосфера относится к мифу (в широком понимании этого слова) как причина к следствию. В самом деле, поэтосфера — комплекс образов, символов, слов-сигналов, мотивов и метафорических моделей, необходимых для претворения реальности в эстетический феномен, на основе которого (как правило, ретроспективно) формируется культурный миф как наиболее емкая, концентрированная ментальная модель, как сюжет, свернутый до одной формулы. Такая последовательность характерна и для усадебных локусов.

Поэтосфера русской усадьбы — это система устойчивых художественных образов-символов (включая типы героев) и лейтмотивов, созданная в русской словесности (прозе, поэзии, драме, эго-документах) с середины XVIII до 20-х гг. XX в.

вокруг усадьбы как историко-культурного феномена русской жизни; иными словами, образно-семантический ореол помещичьей усадьбы. В литературе рубежа XIX–XX вв. поэтосфера русской усадьбы мифологизируется, философски осмысливается и кристаллизуется в усадебный миф. Можно сказать, что усадебный миф вырастает на почве поэтосферы и вбирает в себя многие ее элементы.

Основные образы-символы поэтосферы русской усадьбы — это дом (как архитектурная доминанта и семейный очаг; внутри дома особое место занимают зал и кабинет хозяина); сад или парк (включающие такие микрообразы, как беседка, укромная скамейка, калитка, старинные аллеи, живые изгороди, лужайки, цветники и пр.); хозяйственные постройки (конюшни, сараи, птичники, пчельники, амбары, псарни, скотные дворы и др.); театр (иногда вся усадьба становится сценой или декорацией для театрального действия); граница внешнего мира (овраг, лощина, старый пруд, забор, изгородь, вал, ров, стена деревьев); водоемы (пруд, река, ручей, озеро); атрибуты науки, культуры и искусства (статуи, бюсты великих людей, картины, коллекции монет или оружия, библиотека, военные и охотничьи трофеи и т.д.); кладбище, семейный мавзолей или усыпальница, пустошь, погост, а также почти неперемное наличие в каждом поместье «страшного» (проклятого, заколдованного) места. Усадьба — это одновременно пространство, максимально вписанное в природный ландшафт, и очаг культуры, архив достижений человеческой цивилизации [2; 3; 4; 5].

В качестве основных лейтмотивов поэтосферы русской усадьбы исследователи выделяют несколько антиномичных групп: мотивы земного Рая и потерянного Рая; радостного уединения и горького одиночества; культ изобилия, плодородия и мотив запустения, оскудения; культ любви, патриархальной семьи, традиций и мотив утраты корней, распада семьи, любовного разочарования; мотивы охоты, праздников, встречи времен года, сельскохозяйственного труда и др. [3]. Частью усадебной поэтосферы оказывается также особый хронотоп, характеризующийся замкнутостью пространства (усадьба — микромир, отделенный от большого мира) и цикличностью времени, соотносимого со сменой времен года.

По наблюдению Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой, «усадебное пространство исполнено антиномиями. Место идиллическое, “сколок Эдема”, обретенная Аркадия, оно предстает вместе с тем и как обитель смерти, где время, казалось бы, прямо на глазах созерцателя перетекает в вечность» [2, 4]. Исследовательницы отмечают повышенную театрализацию усадебного пространства и образа жизни, высокую роль игрового момента, накладывающего отпечаток не только на досуг, но и на межличностные отношения [2, 199–289].

Они указывают, что основной «усадебный миф» (усадьба как пространство Бога в противовес городу, обители Дьявола, и обретенный земной Рай) [2, 91] начинает формироваться в начале XX в., уже на закате эпохи «дворянских гнезд», тогда как семантический ореол усадьбы и художественные доминанты «усадебного текста» русской культуры (т.е. поэтосфера) складываются намного раньше, начиная с середины XVIII в.: «Реальное исчезновение усадебного мира приводит к мощному рождению мифа о Золотом веке русской культуры, который связывается в том числе и с усадьбами» [2, 172]. Важно также отметить, что в 1900–1910-е гг. в искусстве символизма и др. художественных течений образ «онегинско-ларинской» усадьбы, созданный в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831), становится национальным идеалом [6; 7; 9; 16; 17].

В границах поэтосферы русской усадьбы наблюдается не только разнообразие, но и динамика эмоциональной окрашенности. Позитивная, приподнято-возвышенная тональность преобладает на рубеже XVIII–XIX вв., в эпоху сентиментализма и романтизма с их культом природы, сельской жизни и независимого самодостаточного существования (Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев и др.).

Сатирико-обличительный пафос появляется в литературе реализма на волне критики крепостного строя и представлен, например, в творчестве Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Негативно-ностальгическая тональность присуща «усадебным» прозаическим произведениям последней трети XIX — начала XX в. и связана с разрушением быта и культуры дворянского

имения (И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов и др.), ощущением их обреченности.

Одновременно в поэзии происходит эстетизация и идеализация усадьбы, что заметно даже в описаниях заброшенных, оскудевших, покинутых «гнезд», в которых поэты находили своеобразную красоту умирания и запустения, победы природы над творением человеческих рук (К.К.Случевский, Вл.С.Соловьев, И.А.Бунин, К.Д.Бальмонт и др.). Заброшенные усадьбы превращаются в места паломничества и обретают статус романтических руин.

Сходный процесс наблюдался ранее в Европе в связи с разрушением замков и замковой культуры. В творчестве Андрея Белого, Игоря Северянина, Саши Черного, Б.А.Садовского, М.А.Кузмина и др. различима ироническая тенденция в изображении усадебного быта, дополняющая лирический, идиллический, элегический и возвышенный модусы, свойственные эмоциональной окраске поэтосферы русской усадьбы на протяжении XVIII — начала XX в. [2; 8]. Один из самых поздних отголосков поэтосферы русской усадьбы мы находим в лирике В.В.Набокова.

Итак, резюмируем: вокруг сельской помещицы усадьбы в русской литературе середины XVIII — XIX вв. образовалась так называемая «поэтосфера», т.е. детально проработанное образно-семантическое поле, ставшее почвой для формирования «усадебного мифа» на рубеже XIX–XX вв., который в свою очередь обусловил функционирование новых модификаций «усадебного топоса» в дальнейшие десятилетия XX в., а также во многом и эволюцию «дачного текста».

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991.
2. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. — М.: О.Г.И., 2008.

3. Жаплова Т.М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX — нач. XX века. — Оренбург, 2006.

4. Жаплова Т.М. Особенности создания усадебного образа в лирике Ф.И.Тютчева 1820-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12–3 (66). — С. 19–21.

5. Жаплова Т.М. Лирико-эпический контекст творчества И.А.Бунина. — Оренбург, 2015; Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты. — Псков: Логос, 2015.

6. Нащокина М.В. Усадьба пушкинского времени в русской культуре эпохи символизма // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 6 (22). — М.: Жираф, 2000. — С. 67–88.

7. Разумовская А.Г. «Пушкинский уголок» России: мифологизация усадьбы в постусадебную эпоху // Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты. — Псков: Логос, 2015. — С. 149–171.

8. Разумовская А.Г. Сады российской поэзии (от символизма к постмодернизму). — СПб: НП-принт, 2014.

9. Летагин Л.Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба // Русская усадьба. 1998. № 4. — С. 253–259.

10. Топоров В.Н. Аптекарский огород как городское урочище (общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество. Сб. статей. — М.: Наука, 1991. — С. 201–293.

11. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 441.

12. Шукин В.Г. Поэтосфера города. Город как единое целое (фрагмент книги) // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). — С. 8–18.

13. Шукин В.Г. Город и поэтосфера природы // Ейдос. 2015. № 8. — С. 177–190.

14. Шукин В.Г. Поэтика города: морфология поэтосферы // Ейдос. 2013. №7. — С. 299–336.

15. Шукин В.Г. Московские литературные урочища: Симоново, Девичье поле (из цикла лекций по мифопоэтике Москвы) // Педагогика искусства. 2009. №1. — С.158–171.

16. Шукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурное исследование по русской классической литературе. — Краков, 1997.

17. Roosevelt P.R. Life on the Russian Country Estate & F Social and cultural History. New Haven. Yale University Press, 1995.